

УДК 316.43

DOI 10.52452/18115942_2023_4_161

«СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ» VS «СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»: СМЕНА КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В КИТАЙСКОЙ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ НАЧАЛА XXI в.

© 2023 г.

Е.В. Кремнёв

Кремнёв Евгений Владимирович, к.соц.н.; доц.; заведующий кафедрой Китаеведения
Иркутского государственного университета;
ассоциированный научный сотрудник Российско-Китайского центра междисциплинарных исследований
Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург
kremnyov2005@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 15.05.2023**Статья принята к публикации 31.10.2023*

Цель данной статьи – на основе эпистемологических подходов и с применением концептуального и терминологического анализа описать основные направления смены концептуально-терминологической парадигмы в области изучения социального управления в КНР, проанализировать аргументацию для отбора новых понятий и терминов, а также выявить реальные причины происходящих изменений. Автор установил, что основной задачей изменения понятийно-терминологического аппарата в указанной сфере стал поиск регион-специфичных форм социального управления путем пересмотра влияния западных концепций, а также через попытки совместить два разнонаправленных процесса в современной социально-политической системе КНР: централизации управления и повышения социального запроса на участие в нем. Выявлено, что на научный нарратив, касающийся социального управления, влияют три базовых фактора «внешней социальности»: прагматизм, идеология и традиционализм, каждый из которых выполняет запрос различных типов элит: научной, политической и традиционалистски настроенной интеллектуальной элиты.

Ключевые слова: социальное управление, Китай, китайская наука, китайская социология, концептуально-терминологическая парадигма, прагматизм, идеология, традиционализм.

Введение

Социальное управление становится объектом китайской континентальной¹ социологии еще в 1980-е, почти сразу после того, как Дэн Сяопин «разрешил» эту науку и вернул ее в число общественно важных. Однако наибольший интерес к социальному управлению появляется уже в XXI веке, когда проблема соотношения управленческих полномочий двух акторов, государства и общества, начинает расти. Этому способствуют урбанизация КНР, повышение уровня образования, техническая и социальная модернизация – все те факторы, что ведут к запросу на социальное участие в управленческих процессах. В связи с этим во многих исследовательских материалах все чаще поднимается проблема необходимости формулирования концепции социального управления в Китае как процесса вовлечения граждан в управление обществом, диверсификации субъектов этого процесса и постепенного отказа от административных способов управления в пользу коллективного и социально ориентированного принятия решений. Однако одновременно с этим политическая система после прихода к власти Си

Цзиньпина начинает медленную, но ощутимую трансформацию в сторону усиления партийно-государственного вмешательства во все сферы социальной жизни и укрепления роли Коммунистической партии Китая. Это оказывает влияние и на социологический текст, в котором отражаются обе разнонаправленные тенденции. При этом продолжается идеологизация социально-политической и социокультурной жизни: партийно-государственная идеология сильнее проникает в научную среду, политические высказывания начинают определять терминологический и понятийный аппарат. Цель данной статьи – описать основные направления смены концептуально-терминологической парадигмы в сфере изучения социального управления в описанных условиях, проанализировать базовую аргументацию выбора новых понятий и терминов и выявить реальные причины происходящих изменений.

Теоретико-методологические подходы

Базой для исследования послужили эпистемологические подходы [1] западных и отечественных исследователей: Д. Блура [2], Э. Гол-

дмана [3], С. Фуллера [4], Н.Т. Абрамовой [5], И.Т. Касавина [6], В.А. Лекторского [7], М.А. Розова [8]. В этом ключе под социальным управлением мы понимаем, вслед за Д.Х.С. Оливейрой [9], новую область управленческих знаний и практик, ключевыми аспектами которой являются социальное участие и коллективное принятие решений на основе принципов этики и солидарности, ориентированных на социальное как результат и как процесс. На основе указанных выше подходов мы предприняли попытку проанализировать современные концепции социального управления в КНР, разрабатываемые в рамках социологической науки под влиянием так называемой «внешней социальности знания» [6]. Факторный анализ позволил выявить факторы «внешней социальности» китайского регион-специфичного знания: прагматизм, идеологию и традиционализм (в связи с особенностями социально-политического развития Китая совокупность этих факторов характерна лишь для континентального Китая, исключая территории Тайваня, Гонконга и Макао). Данные три фактора имеют непосредственное влияние на сферу изучения социального управления. Прагматизм определяет необходимость научного решения реальных проблем в этой сфере, то есть отвечает интересам научной элиты, нацеленной на достижение рациональных результатов исследовательской деятельности. Два других, идеология и традиционализм, направлены на удовлетворение запросов политической элиты и традиционалистски настроенной интеллектуальной элиты. Первой необходимо использовать научный текст для укрепления политического строя, второй – для культивирования идеи китаецентричности, специфичности китайской нации. Следует предположить, что именно эти три фактора определили реальные причины зафиксированной нами смены концептуально-терминологической парадигмы в XXI в. Проверке данной гипотезы способствовало применение терминологического и концептуального анализа.

Результаты

Одним из важнейших событий, повлиявших на сферу социологического изучения социального управления, стало принятие в 2013 г. 3-м пленумом ЦК КПК XVIII созыва Постановления ЦК КПК по некоторым важным вопросам всестороннего углубления реформ. Этот документ ознаменовал запущенную «сверху» смену терминологической и понятийной парадигмы. На протяжении всего текста постановления уже устоявшийся термин «гуанли» в значении

«управление» употребляется не так часто, как «чжили» (в переведенных на английский язык китайских научных и идеологических текстах первому термину соответствовало английское «management», второму – «governance»); в русскоязычном дискурсе разница осталась без закреплённых за терминами вариантов перевода). Еще важнее было то, что «шэхуэй гуанли» («social management») употребляется только один раз, в остальных пяти случаях его заменили на «шэхуэй чжили» («social governance»). Кроме того, этому новому термину дали конкретное и очень подробное пояснение: «социальному управлению» требуется модернизация, которая будет достигнута, когда будут выполнены следующие условия, которые мы можем разделить на четыре сферы. В идеологической сфере предписывается «придерживаться системного управления, укреплять партийное руководство, реализовывать ведущую роль правительства, поощрять и поддерживать всестороннее социальное участие, наладить позитивное взаимодействие между процессами государственного управления, социальной саморегуляции и самоуправления жителей». Правовая сфера регламентируется следующими требованиями к государству: «твёрдо придерживаться управления на основе закона, усилить гарантии обеспечения такого управления, разрешать социальные противоречия путем внедрения правового мышления и юридических методов, построенных на таком управлении». В политико-экономической сфере требуется «твёрдо отстаивать комплексное управление, усиливать нравственность и дисциплину, регулировать социальное поведение, уравнивать интересы, координировать общественные отношения, разрешать социальные проблемы», а социально ориентированной – «придерживаться источника управления, бороться не только с симптомами, но и с первопричинами, сосредоточившись на последних, сделать базовым направлением сетевое управление и социальные услуги, укреплять платформу для комплексного управления услугами на низовом уровне; своевременно реагировать на требования людей во всех аспектах и на всех уровнях и координировать их интересы» [10].

В последующих документах партии и правительства новая концепция продолжает подробно раскрываться. Так, в отчетах о работе правительства 2014, 2015 и 2016 г. «шэхуэй чжили» упоминается как процесс, в рамках которого правительство активизирует преобразование своих функций, движется к децентрализации власти и привлекает большее количество социальных субъектов к участию в социальном

управлении. В плане 10-й пятилетки (на 2016–2020 гг.) было сформулировано шесть аспектов укрепления новой концепции социального управления «шэжуэй чжили»: 1) усиление и совершенствование потенциала социального управления; 2) повышение уровня государственного управления; 3) расширение функций общественных услуг; 4) усиление роли общественных организаций; 5) улучшение механизмов общественного участия; 6) защита прав граждан [11].

После легитимизации нового терминологического подхода на государственно-партийном уровне тема была передана для научной разработки. Вышло значительное количество статей и несколько крупных работ, в том числе «Социальное управление и политический порядок в современном Китае» Фэн Шичжэна [12], «Общественные организации и социальное управление» Ван Мина [13], «Социальное управление: новое мышление и новая практика» Чжан И [14], «Содействие модернизации государственного и социального управления» Юй Кэпина [15], «Городское социальное управление» Ли Юмэй [16].

Большинство этих работ сосредоточилось на обосновании двух аспектов: роли государства и партии в социальном управлении и возможностей расширения социального участия. В качестве новых акторов социального управления наряду с правительством были названы еще два: бизнес и общество. Распределение полномочий между этими тремя акторами предполагает учет структуры социального управления, вычленение в ней уровней: вертикального типа (макро-, мезо- и микроуровней), горизонтального типа (политического, экономического, социального), этнического типа (этническое региональное управление, также обозначаемое как «местное самоуправление»).

Верхние, политические уровни контролируются партией и правительством, ниже формируются сетевые структуры с акторами разной степени участия в управлении [17]. В качестве базовых неполитических акторов рассматриваются только легитимные организованные структуры: на среднем уровне это, в частности, общественные организации [18] (со стороны социума) и торговые палаты (со стороны бизнеса), на низовом уровне – общественные комитеты, городские и сельские сообщества, советы улиц, микрорайонов. В работах по социальному управлению появляются новые концепции: «вернуть власть народу» (还权于民), «государственное управление, социальное саморегулирование, самоуправление населения» (政府治理和社会自我调节、居民自治). Чжоу Сяохун в своей работе «Инновационные пути реформирования системы социального

управления» указывает, что эти концепции реализуются сверху: правительство анализирует ситуацию и на системной основе принимает решение, какие именно полномочия в сфере социального управления ему следует передать другим акторам [19].

Несмотря на четко выстроенную иерархичность участников процесса социального управления, во многих исследованиях указанная стратегия правительства обосновывается как «совместное управление» (合作治理), свойственное постиндустриальным обществам, где формируется достаточно высокий уровень социального саморегулирования, об этом пишет, в частности, Чжан Канчжи в работе «Разработка концепции совместного управления в процессе постиндустриализации» [20] (сама концепция «совместного управления» разрабатывалась и ранее, например, в работе Юй Кэпина «Демократия и всё, что вокруг нее» [21]). Кроме того, нередко звучит концепция «надлежащего управления» (善治), в рамках которой утверждается, что на новом этапе социальное управление способно удовлетворять и координировать потребности и интересы всех участников общественных отношений.

Более конкретно о сходствах и различиях «шэжуэй гуаньли» и «шэжуэй чжили» пишет Сунь Говэнь в работе «Переход от [концепции социального управления] “шэжуэй гуаньли” к “шэжуэй чжили”» [22]. Он утверждает, что у этих двух типов управления совпадают лишь цели (порядок, развитие, общественные интересы), а по всем остальным параметрам концепция «шэжуэй чжили» находится на шаг впереди. Их конкретные различия он демонстрирует на основе в том числе анализа работы Гао Гунцзина, сравнившего концепции «тунчжи»² (которую Сунь Говэнь приравнивает к «гуаньли») и «чжили» [23]. Так, сравнивая субъектов управления, исследователь считает, что старая концепция исключает любых других участников, кроме правительства, тогда как новая предусматривает их широкую диверсификацию и включает неправительственные организации, добровольные объединения, частные структуры, различные объединения граждан. Кроме того, он считает, что в новой концепции нет упора на централизацию управления, в ней появляется множество центров, акцент смещается на многообразие и децентрализацию. Источником права на управление в старой концепции он называет только полномочия, предоставленные конституционной системой, и нормативные правовые акты. В новой концепции большое значение приобретают источники не нормативно-правового характера: добровольное одобре-

ние и консенсус участников. Среди базовых подходов к управлению в концепции «шэхуэй гуаньли» автор приводит принудительный, вертикально-иерархичный, однонаправленный характер, опору на механизмы государственного насилия, тогда как концепции «шэхуэй чжили» он приписывает непринудительный, мягкий характер, двунаправленное взаимодействие по вертикали и горизонтали и опору на добровольное сотрудничество и дух инициативы в достижении совместных целей и удовлетворении интересов всех сторон. Наконец, он полагает, что в старой концепции государство и общество противопоставлены друг другу, что приводит к отсутствию рефлексии в управлении и чрезмерной его рационализации. Новая концепция подразумевает сосуществование и взаимозависимость государства и общества, высокую рефлексию и достаточный рационализм.

Исходя из вышеизложенного, социологическое осмысление социального управления в концепции «шэхуэй чжили» предполагает существенный шаг вперед во внедрении самоуправления, расширение акторов управленческих отношений, методов управления. Однако анализ вышеуказанных работ вкупе с осмыслением предыдущего опыта не дает возможности согласиться с интерпретацией двух концепций «социального управления» в большей части китайских работ исследуемого периода.

Модель «шэхуэй гуаньли» нередко рассматривается как устаревшая, в связи с отсутствием в ее понятийном аппарате места для других акторов управления или в связи с наличием в ней противопоставления власти и общества. Вместе с тем, как уже рассмотренные выше подходы к управленческим концепциям предыдущих этапов в целом, так и ранние определения «шэхуэй гуаньли» не подтверждают такую интерпретацию. Еще в 1991 г. «Большая китайская энциклопедия» в разделе «Социология» приводит следующее определение социального управления: «в контексте рыночной экономики социальное управление является деятельностью государственных и общественных организаций по организации, координации, обслуживанию, контролю и управлению в отношении элементов социальной системы, различных сфер общественной жизни и аспектов социального развития с целью содействия общественному развитию» [24]. Из определения видно, что «социальное управление» довольно давно рассматривается как деятельность, включающая не только государственные органы в качестве актора управленческой деятельности. Этот же подход встречаем и в других работах по «шэхуэй гуаньли», например, в статье Тан Цзюня «Соци-

альное управление: фарватер или запруда», который в качестве субъектов социального управления указывает правительство и организации граждан (民间组织) [25].

Другим недостатком «шэхуэй гуаньли» часто называли его строгую привязку к формальным, административным методам и источникам управления. Тем не менее еще в 2010 г. Институт административного управления, созданный при Государственном совете КНР, учредил специальную исследовательскую группу по проблеме социального управления, одной из её задач было определить «социальное управление с китайской спецификой». По результатам работы этой группы было представлено следующее определение: «Социальное управление – это деятельность партии и правительства, а также иных социальных субъектов по обслуживанию, координации, организации и контролю, осуществляемая напрямую или опосредованно в отношении всех социальных сфер с опорой на законы, постановления, политический курс, мораль, ценности и иные общественные нормы» [26]. Из определения видно, что в источники и способы управления включен весь спектр формальных и неформальных социальных практик.

Кроме того, предполагается, что концепция «шэхуэй чжили» внедряет в процессы управления новые установки на служение людям, социальную направленность. Вместе с тем «шэхуэй гуаньли» включала и эти аспекты: в работе «Общие принципы структурной реформы системы социального управления: переход к новым формам» Хэ Цзэнкэ указывает, что принципы современного социального правления – это «ориентир на человека как основу всего» (以人为本), «расширение прав граждан» (公民增权), «взаимовыгодное сотрудничество» (合作共赢), «приоритет равноправия» (公平权利优先), «служение [народу] и прокладывание пути [для него]» (服务引导) [27].

Наконец, «шэхуэй гуаньли» критиковалась за то, что в ней государство и общество представляются как противопоставленные друг другу элементы системы социального управления. Однако еще в 1999 г. в работе Фэн Сяотяня, Чжан Сяошаня и Чжоу Цинпина «Введение в науку о социальном управлении» указывалось, что в социальном управлении все элементы социальной системы рассматриваются как единое целое, нуждающееся в упорядочивании для полноценного функционирования [28].

Вместе с тем анализ использования понятий «шэхуэй гуаньли» и «шэхуэй чжили» дает возможность выявить реальные причины смены концептуально-терминологической парадигмы.

Эти причины отвечают трем факторам, определяющим регион-специфичную адаптацию китайской континентальной науки в целом: идеологии, традиционализму и прагматизму.

Первая причина – *идеологическая* – определяется сменой социально-политической ситуации в КНР: концепция «шэжуэй чжили», несмотря на ее интерпретацию в «либеральном ключе», напротив, была озвучена для продвижения идеи о верховенстве партии и государства в системе социального управления. С приходом к власти Си Цзиньпина наметились тенденции к укреплению вертикали власти [29], среди основных причин которой озвучиваются борьба с оппозицией внутри КПК, продвижение серьезных экономических реформ, бескомпромиссность антикоррупционной борьбы и опасения китайских властей в связи с возможной дестабилизацией обстановки в стране [30]. Процессы укрепления вертикали выразились, в частности, в последовательных мерах лоялизации региональных управленческих кадров [31], усиления регулирования некитайских религий [32] и стратегии их китаизации [33]. Не стала исключением и сфера управления в самом широком смысле. Несмотря на активное противопоставление двух терминов и придание новому – «шэжуэй чжили» – «недостающих» прежних качеств, активнее всего с новым термином продвигалась идея верховенства партии и правительства в рамках системы социального управления. Таким образом, научным и общественным кругам напомнили, что ведущие акторы управленческих процессов в стране намерены сохранить свое главенствующее положение.

Вторая причина – *традиционалистски ориентированная* и вытекающая из первой – связана с основаниями для выбора термина. Она исходит из его традиционалистски воспринимаемых параметров: для новых политических условий нужен был термин, не отягощенный коннотациями «западного» дискурса. Относительно «либеральный» этап Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао прочно связал термин «шэжуэй гуаньли» в общественном сознании и научном дискурсе с западными принципами менеджмента, предполагающими демократизацию политических, социальных, экономических и культурных процессов. В связи с этим был подобран другой – «шэжуэй чжили». С точки зрения структуры терминов, в двух «управлениях» – «гуаньли» (管理) и «чжили» (治理) совпадает только второй компонент – «ли», записываемый знаком 理. В «Большом китайско-русском словаре» под ред. проф. И.М. Ошанина приводятся следующие значения этого знака [34]. Глагольные: 1) упорядочивать, приводить в порядок; поправлять, чи-

нить, ремонтировать; настраивать; регулировать, налаживать (инструмент); стричь; причёсывать (волосы); шлифовать (напр. самоцвет); 2) управлять (страной); ведать (делами); судить (о тяжбе); вести (напр. торг); распоряжаться (делом); решать (вопрос); 3) усваивать, овладевать; упражняться [в...]; вникать [в...]; понимать; учитывать, считаться [с...]; обращать внимание [на...]; 4) убеждать, урезонивать; взывать к раскудку (кого-л); 5) считать правым, оправдывать; 6) пользоваться благами хорошего управления; идти по пути законности и порядка; быть решённым (о тяжбе, вопросе); 7) считаться правым, быть оправданным. Предметные значения: 1) высший принцип; справедливость; правильность, правота; правда, истина; основное положение; установленный порядок; норма (напр. поведения); 2) «ли», идея, закон, принцип; 3) резон, мотив; аргумент; аргументация, мотивировка; 4) разум, рассудок, интеллект; разумный, рациональный, логичный; разумно; 5) естество, сущность, природа (вещей); естественный. Как видим, его семантика напрямую связана с управлением и смежной с ними предметной или абстрактной деятельностью.

Вместе с тем очевидна разница между двумя несовпадающими компонентами: «гуань» (管) и «чжи» (治). «Гуань» (管) в связанных с управлением значениях определяется словарем следующим образом. Глагольные значения: 1) управлять, заведовать, руководить (чем-л.); иметь в подчинении; заниматься, ведать (чем-л.); 2) вмешиваться, интересоваться, касаться, затрагивать, заниматься, иметь отношение, быть связанным (с чем-л.); 3) обеспечивать (напр. питанием, жильём); давать, снабжать, предоставлять; 4) гарантировать, обеспечивать; заверять, обязываться; 5) контролировать, ревизовать; надзирать; ведать; 6) ограничивать, сдерживать, держать; 7) *диал.* стеречь, сторожить, караулить; 8) дуть, продувать; играть [на духовом инструменте]. Предметные значения: 1) труба, трубка; тубик; трубчатый; 2) гуань (духовой музыкальный инструмент, род гобоя); дудка; духовые деревянные инструменты оркестра; 3) писчая кисть (также счётное слово кистей); 4) замок; 5) [бамбуковая] трубка (употреблявшаяся в качестве верительной бирки при отправке послов); 6) основа, стержень, остов, хребет; мерило. Наречные/модальные значения: 1) вне зависимости от..., не взирая на..., безразлично; 2) пусть его; пускай! 3) наверняка; обязательно, непременно, точно.

Что касается «чжи» (治), то его словарь определяет так. Глагольные значения: 1) держать в порядке; устанавливать порядок (в чем-л.); править; ведать, распоряжаться (кем-л., чем-л.);

2) выправлять, направлять; приводить в порядок; ремонтировать (помещение), упорядочивать; 3) призывать к порядку; наказывать; обуздывать, подавлять; умирять; справляться с (кем-л., чем-л.); вводить в русло (вышедшие из берегов реки); 4) вести борьбу с (кем-л.); истреблять; расправляться с (кем-л.); 5) врачевать, лечить, излечивать; 6) изучать, исследовать (что-л.); заниматься (чем-л.); 7) установить столицу в (каком-либо месте); 8) быть в должном порядке; пользоваться благами хорошего управления и порядка; 9) быть под управлением; управляться; 10) быть в силе; безраздельно господствовать; 11) равняться, сравниваться; соперничать, состязаться. Предметные значения: 1) управление, господство; режим; руководство, административная власть; 2) совершенное управление, порядок; 3) политическое мероприятие; дела управления; 4) столица; административный центр.

Семиотико-грамматологический анализ выявляет явные различия в употреблении и восприятии указанных знаков. «Гуань» (管), кроме политико-управленческого значения, имеет явную социокультурную семантическую окрашенность, которая реализуется в современной речи довольно часто. «Чжи» (治) практически полностью сосредоточен на политической теме, именно этот знак входит в современную лексику «политика» (政治), а также в актуальные сегодня базовые политические концепции, например «править страной на основе закона» (依法治国).

Этот же результат мы получаем и в результате грамматолого-этимологического анализа. Предположительно, первоначальным значением знака «гуань» (管) было «трубка, дудочка», что подтверждается наличием в его структуре семантического знака [^] «бамбук», а знак «官» со значением «чиновник» первоначально, скорее всего, служил фонетическим указателем. Что касается «чжи» (治), то его этимологическая эволюция выстраивается в изначально «управленческой» коннотации: от первоначального «вводить в русло вышедшие из берегов реки» (о чем свидетельствует семантический знак ³ «вода») к «подавлять, умирять» и затем – «править, господствовать»³.

Таким образом, терминологически замена «шэжуэй гуаньли» на «шэжуэй чжили», с точки зрения их традиционалистски оцениваемого содержания, тоже была обусловлена установкой на определение ведущей роли партии и правительства в вопросах социального управления, в том числе – в связи с поддержкой такой роли со стороны интеллектуальной элиты, культивиру-

ющей китайский этноцентризм как основу развития китайской цивилизации.

Третья причина – *прагматическая* – связана с тем, что урбанизация и модернизация китайского общества, как и в других странах, привела к запросу на социальное участие в управлении. Расширение форм участия – это серьезный вызов для авторитарных систем, но игнорирование проблемы может привести к социальному взрыву, в связи с чем провозглашение новой концепции социального управления с привлечением других акторов к процессам управления дало партии и правительству время на поиск подходящих моделей социального участия – не западного образца, но при этом способных удовлетворить новый тип граждан, не приверженных ценностям традиционного отношения к власти, беспрекословного подчинения, безучастного к социально-политическим процессам. Основная задача, которую здесь видят для себя партия и правительство, – ограничить указанное участие низовыми формами самоуправления, а также обеспечить дальнейший контроль над социальными процессами.

Заключение

Таким образом, основной задачей трансформации понятийно-терминологического аппарата исследований социального управления стал поиск регион-специфичных форм социального управления через пересмотр влияния западных концепций и попыток совместить два разнонаправленных процесса: централизации управления и социального запроса на участие в нем. Дальнейшая разработка проблемы влияния на научный процесс факторов «внешней социальности» – прагматизма, идеологии и традиционализма – поможет выявлению моделей, по которым создается китайский социологический текст, вынужденный удовлетворять запрос государственных и интеллектуальных элит. Следует предположить, что искомые модели позволяют создавать научный нарратив таким образом, чтобы прагматизм (решающий реальные задачи социального управления), идеология (служащая укреплению политического строя) и традиционализм (обеспечивающий воспроизводство китацентричной модели знания) уравнивали друг друга. Выявление влияния этих факторов на текст крайне необходимо для понимания, насколько каждое конкретное исследование несет в себе научное содержание, а насколько – следует заданным сверху концептуально-терминологическим реформам.

Примечания

1. То есть не включающей социологию так называемых «неконтинентальных» территорий с иными политико-экономическими системами (Тайвань, Гонконг, Макао).

2. Тунчжи (统治) – китайская управленческая концепция, дословный перевод термина – «господство, владычество».

3. Характерно, что китайские работы, ориентированные на идеологическое обоснование и популяризацию концепции «шэньхуэй чжили», используют традиционалистски ориентированные, но сегодня считающиеся устаревшими этимологические подходы. Так, в описанной выше работе Сунь Говэня знак «гуань» (管) интерпретируется как «чиновник с бамбуковой палкой в руке», что отсылает к принудительному характеру управления по модели «шэньхуэй гуаньли». Знак «чжи» (治), поскольку содержит семантический компонент «вода», должен, по мнению Сунь Говэня, ориентировать на мягкое, стабильное, гармоничное, то есть подобное течению воды, управление по модели «шэньхуэй чжили».

Список литературы

1. Современные тенденции развития эпистемологии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 31–66.
2. Bloor D. Wittgenstein: A Social Theory of Knowledge. N.Y.: Columbia University Press, 1983. 213 p.
3. Goldman A.I. Foundations of Social Epistemology. 1987. Vol. 73. № 1. P. 109–144.
4. Fuller S. Social Epistemology. 2nd ed. Bloomington: Indiana University Press, 2002. 352 p.
5. Абрамова Н.Т. Идентичность: незабываемость поисков подобия, естественно-природные и экзистенциальные корни // Эпистемология вчера и сегодня: Колл. монография / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2010. С. 157–174.
6. Касавин И.Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2006. № 1. С. 5–15.
7. Лекторский В.А. Эпистемология и исследование когнитивных процессов // Эпистемология вчера и сегодня: Колл. монография / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2010. С. 3–30.
8. Розов М.А. Познание как предмет эпистемологии. Основные тезисы и проблемы // Эпистемология вчера и сегодня: Колл. монография / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2010. С. 31–50.
9. Oliveira D.J.S. Social Management: Epistemology Beyond Paradigms // Organizações & Sociedade. 2021. No. 28 (98). URL: <https://www.scielo.br/j/osoc/a/qJP/RsN7wx7CD8Pq6jkVbjhd/> (Дата обращения: 12.05.2023).
10. 中共中央关于全面深化改革若干重大问题的决定 (2013年11月12日中国共产党第十八届中央委员会第三次全体会议通过) // 中华人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2013-11/15/content_2528179.htm (Дата обращения: 12.05.2023).
11. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十个五年规划纲要 (2016–2020) (新华社北京3月17日电) // 中华人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-03/17/content_5054992.htm (Date of access: 12.05.2023).
12. 冯仕政. 当代中国的社会治理与政治秩序. 北京: 中国人民大学出版社, 2013. 297 页.
13. 王名. 社会组织与社会治理. 北京: 社会科学文献出版社, 2014. 368 页.
14. 张翼. 社会治理. 新思维与新实践. 北京: 社会科学文献出版社, 2014. 489 页.
15. 俞可平. 推进国家治理与社会治理现代化. 北京: 当代中国出版社, 2014. 180 页.
16. 李友梅. 城市社会治理. 北京: 社会科学文献出版社, 2014. 371 页.
17. 李培林. 创新社会管理是我国改革的新任务 // 人民日报. 2011-02-23.
18. 周红云. 从社会管理走向社会治理: 概念、逻辑、原则与路径 // 团结. 2014. 第2期. 第28-32 页.
19. 周晓虹. 社会治理体制改革的逻辑创新 // 新华日报. 2014-07-08.
20. 张康之. 在后工业化进程中构想合作治理 // 哈尔滨工业大学学报. 社会科学版. 2013. 第5卷. 第1期. 第51-60 页.
21. 俞可平. 民主与陀螺. 北京: 北京大学出版社, 2006. 369 页.
22. 孙国文. 从社会管理到社会治理的嬗变. 硕士学位论文. 专业: 社会学. 南京: 南京师范大学, 2016. 51 页.
23. 高功敬. 村庄治理结构与社区公共物品供应研究 // 社会治理创新与当代中国社会发展. 包心鉴主编. 北京: 人民出版社, 2014. 第49-69 页.
24. 社会管理 // 中国大百科全书. 社会学卷. 北京: 中国大百科全书出版社, 1991. 第301-302 页.
25. 唐钧. 社会管理. 疏浚还是埋堵 // 开放导报. 2012. 第3期.
26. 中国社会治理研究 / 龚德武主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2014.
27. 何增科. 社会管理体制改革的整体思路. 走向新社会管理模式 // 毛泽东邓小平理论研究. 2007. 第9期.
28. 风笑天, 张小山, 周清平. 社会学概论. 武汉: 华中理工大学出版社, 1999.
29. Виноградов А.В. Трансформация политического режима при Си Цзиньпине: промежуточные итоги // Политические процессы в условиях смены экономической модели: Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 16–18 марта 2016 года) / Российская академия наук; Институт Дальнего Востока Российской академии наук; Центр научной информации и документации. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 15–24.
30. Семенов А.А. Рост авторитарных тенденций в Китае накануне XIX Съезда КПК // Социально-политическая ситуация накануне XIX съезда КПК: Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 15–17 марта 2017 года) / Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Центр научной информации и документации. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 61–70.

31. Зуенко И.Ю. Укрепление «вертикали власти» по-китайски: кадровая политика в отношении регионального руководства в современном Китае // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 5. С. 30–46.

32. Горбунова С.А. Совершенствование или ужесточение? Си Цзиньпин об управлении религиями // Социально-политическая ситуация накануне XIX съезда КПК: Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и про-

гнозов ИДВ РАН / Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Центр научной информации и документации. М: ИДВ РАН, 2017. С. 146–156.

33. Ломанов А.В. Адаптация и китаизация: современная религиозная политика руководства КПК // Международная аналитика. 2021. Т. 12. № 4. С. 88–105.

34. Ошанин И.М. Большой китайско-русский словарь / Под ред. проф. И.М. Ошанина. Институт востоковедения Академии наук СССР. В 4 томах. М.: Изд-во Наука, 1983–1984.

**«SOCIAL GOVERNANCE» VS «SOCIAL MANAGEMENT»:
A SHIFTING CONCEPTUAL AND TERMINOLOGICAL PARADIGM IN CHINESE CONTINENTAL
SOCIOLOGY IN THE EARLY XXI CENTURY**

E.V. Kremnyov

Irkutsk State University

Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Research, Sociological Institute of FCTAS RAS

The aim of this article is to describe the main directions of conceptual and terminological paradigm shift in the field of social management studies in China on the basis of epistemological approaches and using conceptual and terminological analysis, to analyze the reasoning for the selection of new concepts and terms, and to identify the real reasons for the changes taking place. The author has established that the main task of changing the conceptual and terminological apparatus in the mentioned sphere was to find region-specific forms of social governance by revising the influence of Western concepts, as well as through attempts to combine two multidirectional processes in the modern socio-political system of the PRC: centralization of governance and increasing social demand for participation in it. It is revealed that the scientific narrative concerning social governance is influenced by three basic factors of "external sociality": pragmatism, ideology and traditionalism, each of which fulfills the demand of different types of elites: scientific, political and traditionalist-minded intellectual elite.

Keywords: social governance, social management, China, Chinese social science, Chinese sociology, conceptual and terminological paradigm, pragmatism, ideology, traditionalism.